

minibo**OK**

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

ВЕСЕЛАЯ НОЧКА

**Москва
2017**

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44
Д45

Перевод с английского

Оформление серии А. *Старикова*

В оформлении обложки использованы:
репродукция карикатуры «Tom and Jerry at a Coffee Shop
near the Olympic» (1821) Джорджа Крукшанка (1792–1878)
и иллюстрации Jovanovic Dejan / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com;
Terriana, kateja_f / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru;
Photos.com / Thinkstock / Gettyimages.ru

Диккенс, Чарльз.

Д45   Веселая ночь : перевод с английского / Чарльз
Диккенс. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 96 с. —
(Minibook).

«Лондонские типы» — невероятно смешные, необычные и актуальные психологические зарисовки, ярко показывающие жизнь типичных лондонцев — современников Диккенса, раскрывают многогранность таланта Чарльза Диккенса как мастера репортажа.

УДК 821.111-3
ББК 84(4Вел)-44

- © Беккер М., перевод на русский язык.
Наследники, 2017
- © Литвинова Т., перевод на русский язык.
Наследники, 2017
- © Топер В., перевод на русский язык.
Наследники, 2017
- © Гурова И., перевод на русский язык.
Наследники, 2017
- © Дарузес Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2017
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96652-3

ЛОНДОНСКИЕ ТИПЫ

Глава I

МЫСЛИ О ЛЮДЯХ

Удивительно, с каким равнодушием относятся в Лондоне к жизни и смерти людей. Человек не вызывает ни в ком ни сочувствия, ни вражды, ни даже холодного любопытства; никто, за исключением его самого, им не интересуется. Когда он умирает, нельзя даже сказать, что его забыли — ведь никто не вспоминал о нем при жизни. В нашей великой столице существует многочисленный разряд людей, у которых, по-видимому, нет ни одного друга и до которых, очевидно, никому нет дела. Когда-то, движимые нуждою, они отправились в Лондон в поисках работы и средств к существованию. Все мы знаем, как тяжело разрывать нити, связывающие нас с родным домом и с друзьями. Но еще тяжелее вычеркивать из памяти тысячи воспоминаний о счастливых днях прошлого, воспоминаний, которые в течение многих лет дремлют в нашей груди, пробуждаясь лишь для того, чтобы вызвать перед нашим мысленным взором образы покинутых друзей, картины, по всей вероятности представшие перед нами в последний раз, или надежды, которые мы некогда лелеяли, но не смеем питать ныне. Однако, к счастью

для самих себя, люди, о которых идет речь, давно выбросили подобные мысли из головы.

Земляки их все умерли или разъехались, знакомые, с которыми они прежде вели переписку, затерялись, подобно им, в шуме и сутолоке какого-нибудь большого города, а сами они постепенно впали в состояние тупого смирения и безразличия.

Несколько дней назад, когда мы сидели в Сент-Джеймс-парке, наше внимание привлек человек, которого мы тотчас причислили к этому разряду. Это была высокая, худощавая, бледная личность в черном сюртуке, узких серых панталонах, коротких тесных гетрах и коричневых касторовых перчатках. Несмотря на прекрасную погоду, в руках у него был зонтик — очевидно, каждое утро, отправляясь на службу, он по привычке брал его с собою. Человек прогуливался взад и вперед по краю небольшой зеленой лужайки, где сдаются напрокат стулья, но казалось, что делает он это не для своего удовольствия, а по необходимости — совершенно так же, как шагает по утрам в свою контору из глухих закоулков Излингтона. Был понедельник, он на целые сутки сбросил с себя иго конторы и прогуливался здесь для моциона и развлечения — быть может, впервые в жизни. Нам пришло в голову, что у него никогда прежде не было свободного времени, и теперь он не знает, что с собой делать. Дети играли на траве; гуляющие, смеясь и болтая, проходили мимо, а человек степенно шагал взад и вперед, не замечая никого, не замечаемый никем, и его изможденное бледное лицо, казалось, не в состоянии было выразить ни любопытства, ни интереса к окружающему.

Мы подумали, что по поведению и внешности этого человека можно представить себе всю его жизнь, или, вернее, любой из его дней, ибо у таких, как он, один день ничем не отличается от другого. Нам показалось, будто мы видим перед собою тесную закудалую контору, куда он входит каждое утро, видим, как он вешает свою шляпу всегда на тот же гвоздь, привычным движением ставит ноги под письменный стол, предварительно сняв с себя черный сюртук, который он носит круглый год, и надев вместо него тот, который служил в прошлом году, а теперь хранится в столе, чтобы не истрепался новый. Здесь он сидит целый день, до пяти часов, и работа его так же однообразна, как громкое тиканье часов на камине, как и все его существование. Он поднимает голову только тогда, когда кто-нибудь входит в контору или когда, производя какой-нибудь особенно сложный расчет, он обращает свой взор к потолку, словно там, в пыльном окошке с зеленым пузырем посередине каждого стекла, таится вдохновение. Около пяти или половины шестого он медленно слезает со своего неизменного табурета и, снова сменив сюртук, отправляется обедать в свою излюбленную кухмистерскую где-то возле Баклерсбери. Официант доверительным тоном — как постоянному клиенту — пересказывает ему меню, и, предварительно осведомившись: «Что бы выбрать получше?» или «Нет ли чего посвежее?», он заказывает полпорции ростбифа с овощами и полпинты портера. Сегодня он берет полпорции, потому что овощи на целый пенс дороже картофеля и к тому же вчера он брал «два хлеба», а позавчера позволил себе дополнительное излишество в виде «одного сыра». Уладив

этот важный вопрос, он вешает шляпу — он снял ее, когда сажился за стол, — и заручается правом читать газету после соседа. Если ему удастся получить газету во время еды, он обедает с гораздо большим аппетитом. Тогда, прислонив газету к графину с водой, он заедает каждые две строчки куском жаркого. Ровно за пять минут до истечения обеденного часа он достаёт шиллинг, платит по счету, аккуратно прячет сдачу в жилетный карман (предварительно отложив пенни для официанта) и возвращается в контору, откуда (если только в этот вечер не поступает заграничная почта) через полчаса выходит снова. Теперь он обычным ровным шагом отправляется домой в свою маленькую каморку в Излингтоне, где пьет вечерний чай, быть может развлекаясь за едою болтовней с сынишкой квартирной хозяйки, которого он изредка награждает пенни за решение простейших задач на сложение. Время от времени ему приходится отнести одно-два письма к своему патрону на Расселсквер. В таких случаях богатый коммерсант, услышав его голос, кричит из столовой: «Пожалуйста сюда, мистер Смит!» — и мистер Смит, положив шляпу на пол возле одного из кресел в прихожей, робко входит, а когда ему снисходительным тоном предлагают присесть, садится как можно дальше от стола, старательно подобрав ноги под стул, и пьет херес, налитый ему старшим сыном хозяина, после чего, пятясь, выскальзывает из комнаты в состоянии нервного возбуждения, которое не проходит до тех пор, пока он снова не оказывается на Излингтон-роуд. Эти жалкие, безобидные существа довольны, но не счастливы. Надломленные и смиренные, они, быть

может, не испытывают страданий, но зато не знают и радости.

Сравните этих людей с другим разрядом жителей нашей столицы. У них тоже нет ни друзей, ни товарищей, но такое положение в обществе они избрали себе сами. Это большей частью пожилые субъекты, седовласые и краснолицые, любители портвейна и гессенских сапог¹. По каким-то причинам, действительным или воображаемым (обыкновенно по первым, ибо вполне достаточный повод к тому — их собственное богатство и бедность их родственников), они впадают в крайнюю подозрительность и разыгрывают доморощенных мизантропов, упиваясь своими мнимыми несчастьями и портя жизнь всем, кто с ними сталкивается. Эти люди могут встретиться вам повсюду, и вы всегда с легкостью их узнаете. В кофейнях они громко выражают свое недовольство и поглощают роскошные обеды; в театрах постоянно занимают одно и то же кресло и бросают желчные взгляды на сидящих поблизости молодых людей; в церкви выделяются величавостью поступи и громкими откликами на соответствующие места в богослужении; в гостях легко раздражаются за вистом и не терпят музыки. Пожилой субъект подобного сорта всегда живет в пышно обставленных комнатах, коллекционируя в огромном количестве книги, старинное серебро и картины — не столько ради собственного удовольствия, сколько ради того, чтобы чувствовать свое превосходство над людьми, у которых есть желание, но нет возможности с ним соперничать.

---

¹ Гессенские сапоги — сапоги, натягивающиеся на узкие штаны и украшенные наверху кисточкой.

Он член двух или трех клубов, и ему завидуют, его ненавидят, ему льстят все остальные члены этих клубов. Время от времени к нему обращается какой-нибудь бедный родственник, например женатый племянник — с просьбой о небольшом вспомоществовании. В таких случаях он с искренним негодованием обрушивается на непредусмотрительность женатых молодых людей, на никчемность жен, на бестактность тех, кто позволяет себе обзаводиться семейством, на беспримерное бесстыдство людей, которые залезают в долги, имея сто двадцать пять фунтов годового дохода, и на другие непростительные прегрешения. Свои гневные филиппики он заключает самодовольным разбором своего собственного поведения и тонким намеком на помощь прихода. Умирает он в один прекрасный день после обеда от апоплексического удара, предварительно завещав свое состояние некоему благотворительному обществу. Упомянутое учреждение воздвигает в его честь мемориальную доску с надписью, в которой выражает свой восторг по поводу его христианского поведения в этом мире и отрадную уверенность, что ему уготовано вечное блаженство в мире ином.

Однако после наших лучших друзей — извозчиков и кондукторов омнибусов, — к ним мы особенно благоволим за их невозмутимую наглость и изворотливость, — больше всего забавляют нас лондонские подмастерья. Они теперь уж не представляют собой некоей корпорации, связанной торжественной клятвой наводить ужас на подданных его величества всякий раз, когда им вздумается преисполниться оскорбленным достоинством и вооружиться палками. Теперь они связаны только контрактами, а что касает-